

ДУХ ТОВАРИЩЕСТВА

СЕРЬЕЗНЫЙ и долгожданный разговор подняла наша газета статьей С. Б. Межинского «По облегченным вариантам». На всеобщее удивление вынесено то, что давно наболело у многих из нас.

В дни моей молодости очень сильно было такое понятие, как театральный патриотизм. Мы болели за свой театр, его успехи, его поражения. Мы с ревностью относились к победам соседей, они подхлестывали нас в стремлении быть лучше, играть лучше. К сожалению, сегодня я все реже и реже встречаюсь с этими высокими чувствами. Стало чуть ли не нормой, что актер поступает в театр не потому, что он ему чем-то близок, а потому, что есть вакансии. Актер переходит в другой коллектив, привлеченный квартирой или более высокой зарплатой и менее всего соображениями творческими. Я намеренно несколько сгущаю краски, но тенденция такая есть несомненно, и бороться с ней надо всеми силами, со всей страстью. Вот почему мне так близки мысли Межинского, актера, отдавшего всю свою жизнь Малому театру, воспитанного в неповторимой атмосфере питей к его древней сценической культуре.

Мы много и часто пишем о творческих принципах Малого театра, МХАТа, но очень редко вспоминаем об этических основах, на которых только и могли произрасти их художественные достижения.

Мой учитель К. С. Станиславский готовил из нас, молодых, не только актерскую смену. Он с не меньшим тщанием формировал наши человеческие качества, гражданскую позицию. Всю жизнь развивая и совершенствуя свою знаменитую систему, Станиславский шел от простого к сложному. И не случайно ее венцом должна была стать книга об этике актера. Он не успел написать эту книгу, но мысли, собранные для нее, разбросанные по другим работам, представ-

ляют громадную ценность. С них мне и хочется начать свой разговор.

Но прежде хочу рассказать мелкий на первый взгляд случай, происшедший при одной из первых моих встреч с Константином Сергеевичем. Я шла, почти бежала через декорационный сарай, опаздывая на репетицию. Вдруг из-за поворота, навстречу — величественная фигура Станиславского. Увидев меня, он неожиданно становится на цыпочки, прикладывает палец к губам, крадучись приближается ко мне, останавливается и спрашивает: «Вы умеете ходить по театру? Кажется, нет. По театру надо ходить тихо, всегда, всюду, ступая на носок, а не на всю ступню. Ведь рядом могут репетировать, читать пьесу или просто думать. Пожалуйста, не мешайте им...» И пошел дальше своей легкой, изящной, неслышной походкой. С тех пор и навсегда я усвоила для себя эту простую истину, я научилась ходить по театру. И у меня просто физическую боль вызывают такие частые теперь возгласы хорошо поставленным голосом: «К телефону!» или «Костюмеры!»

Это был урок деликатности, урок такта — качеств, которые особенно ценил в людях Станиславский. И преподан он был не лекцией или поучением, а примером. Так и должно быть. И сегодня очень нужны примеры, которые, мне кажется, должны исходить все-таки от людей старшего поколения, хранителей традиций, передаваемых молодым. Право же, это приятно, когда молодой актер задержит шаг или остановится при встрече с Шатровой, Андровской или Бирман. И из таких знаков внимания к старшим складывается атмосфера коллектива.

Впрочем, вернемся к этическим требованиям Станиславского. Мне особенно дороги следующие его слова:

«Единственным выходом для артиста становится самокритика, мыслимая только в том случае, если артист сумеет выработать в себе определенный и точный взгляд на свою деятельность, составит себе идеал своих стремлений и найдет в себе достаточно силы, чтобы отказаться от дешевых успехов, которые в настоящее время частенько составляют дутые, но громкие артистические имена. Таким образом, чтобы стать на пьедестал заслуженной артистической славы, кроме чисто художественных данных, надо быть идеалом человека».

Вот программа самосовершенствования артиста. У нас и сейчас еще бытует вредная теория о том, что моральные качества играют второстепенную роль, главное — талант. Разумеется, бездарностям нет места в искусстве. Но талант актерский должен быть помножен на общую культуру человека, соединен с глубоким пониманием норм этики и морали. Иначе грош цена и актерскому таланту.

Театральный коллектив — организм сложный. Сама наша профессия таит в себе громадные испытания, которые часто не выдерживают слабые. Необходимость быть всегда на виду, получать за служенно или незаслуженно аплодисменты зала, похвалы рецензентов, восторги поклонников и поклонниц делают профессию актера опасной. Можно привыкнуть к позерству, испытывать постоянную потребность шекотать свое мелкое, эгоистическое самолюбие. И глубоко прав мой учитель — «единственным выходом для артиста остается самокритика». И, конечно, критика со стороны своих коллег. Критика доброжелательная, объективная, но открытая и непримиримая.

Этому и должна служить

С. ГИАЦИНТОВА,
народная артистка СССР

здоровая творческая атмосфера внутри коллектива. Каждый, от директора и главного режиссера до рабочего сцены и капельдинера, обязан беречь в театре дух товарищества, который способен поднимать человека над его собственными интересами или интересами группы до осознанной борьбы за общие цели и задачи искусства.

Я постоянно замечаю, что о других театрах, «чужих» актерах мы говорим легче и смелее, чем о себе. Продолжает существовать понятие театральной кулисы в самом дурном смысле оговоров, сплетен, клеветы. Именно это имел в виду Станиславский, когда говорил: «Одни актеры и актрисы любят сцену и искусство, как рыбы любят воду, они оживают в атмосфере искусства, другие любят не самое искусство, а карьеру, успех, они оживают в атмосфере кулис. Первые — прекрасные, вторые — отвратительные». Победить этих, вторых, способен дух товарищества, поддерживаемый всеми.

Залогом такой атмосферы в коллективе служит беспристрастность. В театральном деле, где самолюбие, зависть и самонимение так легко обостряются, беспристрастность должна быть особенно резко выражена. Она способна вызвать уважение коллег, поддержать авторитет руководства. Только беспристрастность, приживалы при искусстве боятся беспристрастной оценки своей работы. Если у них в руках власть, они способны даже приказывать молчать. Что ж, тогда театр терпит крах.

Недавно и наш Театр имени Ленинского комсомола переживал тяжелую пору. Мы знали, что спектакли слабые, что зрители к нам не ходят, билеты продаются в нагрузку. И не произошел в нашем коллективе тот взрыв,

который должен был произойти Разговоры редко выходили за пределы кулуарных, остро звучащих среди друзей слова не произносились во время худсоветов или совещаний. Тогда я избрала для себя единственно возможный выход — ушла из театра, из того театра, с которым связана была вся жизнь... Теперь я снова с радостью прихожу на репетиции и спектакли нашего театра.

Не утверждаю, что это единственный путь борьбы с тем, что неприемлемо для тебя в искусстве, но это ведь лучше, чем поступаться своими творческими принципами. Здесь достаточно остушиться раз, чтобы, не останавливаясь, покатыться по наклонной плоскости. Сначала прощаешь себе маленькую ложь, потом привыкаешь к большой. Это касается и работы в театре, и жизни актера вне театра.

Сколько на моей памяти вспыхивало надежд на яркое актерское будущее и гибло, не выдержав испытания известностью. Гибло от отсутствия твердых жизненных принципов, общей культуры, воспитанности. Оттого, что несоизмеримыми оказывались масштабы личности актера и дело, которому он служит.

Вспоминаю трагическую биографию Славы Егорова — талантливого человека, решившего, что успех дает ему право возвыситься над элементарными нормами морали. Коварная эта болезнь — игра в гения, скольких она погубила! Так вот, Слава начал пить. Сначала с друзьями, потом с кем попало. Он говорил что-то невнятное о допинге, о каких-то «великих» традициях русских трагиков, словом, он искал себе оправдания, а не наказания. И. Берсенева, высоко ценивший дарование Славы, делал все возможное, чтобы спасти человека. Ему помогал весь коллектив нашего театра. Но это так и не удалось. Егорову пришлось уйти от нас, а

потом и вообще из искусства.

Пусть этот случай будет горьким уроком. Ведь не секрет, что и сегодня такие доморожденные гении бродят по театральным коридорам. Мы проявляем к ним чрезмерную снисходительность. «Ведь у него талант», — говорим мы и терпим то, к чему надо быть нетерпимым, что тормозит общую творческую работу и уже по одному этому есть пример безнравственности.

Тут уместно напомнить еще об одной стороне актерской профессии — о ее публичности. Пожалуй, ничья жизнь не бывает так на виду, как актера. Об этом особенно важно помнить тем, кто работает в областном или городском театре. Именно поэтом Станиславский говорил, что роль артиста не кончается на сцене. Кто же поверит благородным порывам Гамлета или Незнамова, сыгранным человеком, который не пользуется уважением своих сограждан? Для меня всегда примером Артиста с большой буквы будет Василий Иванович Качалов — красивый, вежливый, ласковый. Он шел по улице, как праздник неся в себе достоинство артиста Художественного театра...

Все время я возвращаюсь мыслями ко МХАТу, к той особенной атмосфере правды и доброжелательности, которую ощущаешь в его кулисах и которая накладывает совершенно особый, неповторимый отблеск на его спектакли. И по этому поводу вспоминаю одну строчку из записных книжек Станиславского. Он имел мужество написать ее и обнародовать: «Играл плохо и не по существу, не по установленной внутренней партитуре — вредил партнерам и всему ансамблю». Я уверена, он искренне мучился в этот вечер, стыдился смотреть в глаза товарищам по сцене. И они, беспристрастно и точно оценив его неудачу, нашли в себе достаточно такта и доброжелательности понять его состояние и поддержать в трудную минуту. Вот это я и называю духом товарищества!

5 APR 1976
5.04.1944
СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
Г. МОСКВА